

Часть 3.
Места проживания.
Линия Ивана Семеновича Зимина

Глава 11.
Зимины в коммунальной квартире на Арбате.
1930-е - 1940-е годы

*АДРЕС: МОСКВА, АРБАТ,
БОЛЬШОЙ АФАНАСЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ 25*

После революции 1917 года в Москве обострился жилищный кризис. Пытаясь решить проблему нехватки жилья, в апреле 1918 года Моссовет принял решение об уплотнении квартир (не более одной комнаты на одного взрослого человека). Началось подселение бедных к зажиточным москвичам. Наступило время коммунальных квартир.

Многие коренные москвичи не по своей воле поменяли в эти годы просторное и удобное жильё на комнаты в коммуналках.

Пришлось и семье Бориса Николаевича Зимина испытать бытовые тяготы эпохи социализма. В 1930-е годы Зимины поселились на Арбате, в квартире № 4 дома № 25 по Большому Афанасьевскому переулку. Там дали комнату жене Бориса Николаевича – Бетти Борисовне, работавшей машинисткой-стенографисткой в правительственных учреждениях. Здесь Бетти Борисовна пережила тяжесть утраты молодого мужа, погибшего в годы сталинских репрессий, здесь росли ее дети – Дмитрий и Евгений (рожденный во втором браке с инженером Цветовым).

Дом № 25 в Большом Афанасьевском переулке в момент расселения перед сносом. Сентябрь 1968 года. Фото брата Д.Б. Зимина – Евгения Цветова

Жилищный кризис в Москве. В 1920-е и 1930-е годы в столице катастрофически не хватало жилья, а население между тем росло: по официальным данным оно составляло (в млн чел.): 1,618 (1912), 2,017 (февраль 1917), 2,026 (1926), 2,784 (1930), 4,334 (1941). В 1928 году на человека приходилось только 5,5 квадратных метров жилья. Основным типом жилища с этого времени и фактически до 1960-х годов становятся коммунальные квартиры (на несколько семей, пользовавшихся общей кухней и туалетом). 27 декабря 1932 года после введения внутренних паспортов и системы прописки в СССР, в Москве было запрещено свободно селиться, за исключением случаев женитьбы, учебы в вузах и работы по определенным профессиям. Даже когда после длительного перерыва опять началось жилищное строительство, и в 1931–1934 годах новое бесплатное «социальное» жилье получили около 0,5 млн человек (из 3,6 млн человек всего населения города), то при острой нехватке жилья в новых квартирах выделялось по одной комнате на семью, то есть воспроизводился тип коммунальной квартиры.

***Бетти (Берта) Борисовна Докшицкая (в замужестве Зими́на).
Фото предположительно конца 1920-х – начала 1930-х годов***

Бетти (Берта) Борисовна Докшицкая, в браке Зими́на (1903–1994), приехала в Москву в начале 1920-х годов из Вильнюса, где на протяжении многих лет жила ее семья. Бетти закончила гимназию. Аккуратную в работе девушку, отличавшуюся острым умом и наблюдательностью, быстро взяли в организацию по обеспечению правительственных учреждений, различных

съездов и собраний грамотными машинистками-стенографистками. Бетти согласилась, поскольку на этой работе можно было получить жильё в Москве. Через несколько лет ей дали комнату на Арбате. Бетти мечтала продолжить образование, но бытовая сторона жизни была в 1920-е годы очень тяжелой. Из-за болезни родителей Бетти пришлось забрать в Москву младшую сестру Иду. Надо было прокормить и себя и сестру, потому Бетти трудилась не только на основном месте – в Институте повышения квалификации творческих работников, но и постоянно брала дополнительную работу по перепечатке и сидела до поздней ночи за пишущей машинкой.

Особенно сложным стал для Бетти 1931 год – тяжело болел отец. Надо было посылать деньги в Вильнюс родителям и дать возможность сестре Иде, учившейся на курсах стенографии, получить диплом. В начале 1932 года отцу Иды, Борису Лазаревичу, в Вильнюсе была сделана операция, после которой он скончался от заражения крови. Тяжело переживая смерть мужа, с которым прожила почти 40 лет и воспитала семерых детей, его жена Дора буквально за три месяца «сгорела» от рака желудка.

*Семья Докшицких. Бетти стоит в центре в светлом платье. Вильнюс.
Фото 1911 года*

Потеряв родителей, Бетти остро ощущала свое одиночество. На ее плечи легла ответственность за младшую сестру, которой она, фактически, заменила мать.

Той же весной 1932 года Бетти занималась систематизацией делопроизводства в Механико-машиностроительном институте имени Баумана.

Судя по всему, там она и познакомилась с молодым доцентом Зиминим. Они несколько раз общались по делам. А потом оказалось, что они живут неподалеку друг от друга: Зимин – в Ермолаевском переулке, а Бетти – в Большом Афанасьевском, буквально в двадцати минутах ходьбы.

Через пару месяцев Борис пригласил Бетти поехать в Лосиноостровскую и там представил ее своей маме Вере Николаевне и сестре Лене. Выдержанная и воспитанная Бетти понравилась семье Бориса. Вскоре Борис и Бетти поженились, и в апреле 1933 года у них родился сын Дима.

Поскольку Бетти надо было работать, то, когда ребенку исполнилось полгода, для него стали подыскивать няню. Вскоре приняли на это место молодую женщину Матрёну Цыганову, приехавшую из Орловской области в Москву, чтобы прокормиться. Няня Мотя прожила в семье Зиминых около 40 лет, и все ласково звали ее «нянечкой». (О первой встрече с семьей Зиминых она вспоминала: «Пришла я наниматься, открывается дверь, а там такие молоденькие стоят...»)

Борис Николаевич Зимин.
Фото начала 1930-х годов

называемый «исправительно-трудовой лагерь» под Новосибирск. В том же году он погиб, не вынеся тяжелых условий.

Одновременно с радостью семейной жизни к Зимину пришло профессиональное признание. В связи с задачами форсированной индустриализации, в Бауманском институте была создана специальная механико-измерительная лаборатория для решения задачи выработки государственного стандарта в машиностроении. Обладавший инженерным талантом и яркими математическими способностями Борис Зимин был назначен руководством института заведовать этой лабораторией. Одновременно он выполнял обязанности главного инженера подразделения. Зимин работал увлеченно и пользовался уважением коллег.

Но семейная жизнь Зиминых продлилась недолго. В апреле 1935 года Борис Николаевич Зимин был арестован по доносу и по решению особого совещания сослан в так

История домовладения в Большом Афанасьевском переулке известна с 1826 до 1903 года. После пожара 1812 года, уничтожившего все деревянные строения Арбата, московский купец Федор Алексеевич Жуков возвел в начале

1820-х годов по красной линии переулка двухэтажный дом. Его первый этаж был каменным, а второй – деревянным. В 1855 году дом перешел к московскому цеховому – Николаю Егоровичу Егорову. Следующей владелицей в 1858 году стала статская советница Софья Петровна Петрова. Н.Е. Егоров и С.П. Петрова проводили в доме только текущие ремонты, ограничиваясь небольшими переделками¹.

Двухэтажный дом во владении № 25 был интересен тем, что в нем была «последняя квартира последнего из оставшихся в живых декабристов – Петра Николаевича Свистунова». Он прожил 85 лет, из которых 30 находился в ссылке в Сибири. В 1857 году ему было разрешено вернуться в Москву, где он провел последние годы жизни в Большом Афанасьевском переулке².

Следующий за Софья Петровна Петрова владелец, штабс-капитан Дмитрий Александрович Ланге, действовал более решительно. Сохранив двухэтажный дом 1820-х годов, в 1874 году он пристроил вплотную к нему трехэтажное каменное здание в стиле эклектики. Между старой и новой частью была устроена проездная арка во двор. Во дворе был небольшой сад с беседкой, а в глубине, по границе владения, стояли деревянный сарай и каменный погреб (по данным 1914 года они сдавались Эфрону под коровник, конюшню и «сарай для склада досок»). Общая площадь владения (на 1914 год, в переводе с кв. саженей на кв. метры) составляла около 2116 кв. метров, из них под постройками числилось 869 кв. м., под двором 465 кв. м., под садом 782 кв. м.

В 1879 году (по другим данным, купчая датирована 27 мая 1877 года) Ланге продал усадьбу жене коллежского советника (затем действительного статского советника) – Марье Васильевне Терновской. До 1903 года она владела домами сама, а затем, до 1917 года, усадьба принадлежала ее сыну Алексею Никитичу Терновскому. Терновские жили в доме в Большом Афанасьевском переулке сами, а также сдавали квартиры в аренду.

В каменной трехэтажной части на каждом этаже была семикомнатная квартира с прихожей, кухней, ванной. Входили в квартиру по парадной лестнице с улицы. Рядом с кухней была черная лестница. Ее использовали в хозяйственных целях. В 1903 году домовладение было подключено к городской канализации (для чего был составлен подробный проект).

*Арбат. Большой Афанасьевский переулок в 1950-е годы.
Фото Д.Б. Зимина*

По данным описи домовладения, сделанной в 1914 году в жилом подвале пять комнат площадью 20–25 кв. м. сдавались внаем пяти жильцам за 120 рублей в год. На первом этаже квартира из семи комнат (14 окон) площадью около 204 кв. м. сдавалась за 1200 рублей в год. На втором этаже в такой же квартире жила домовладелица Терновская. Квартира на третьем этаже также сдавалась за 1200 рублей в год.

В двухэтажном доме на каждом этаже было по десять комнат, кухни располагались в помещениях, обращенных во двор.

После 1917 года престижное доходное жилье превратилось в коммунальные квартиры. Во времена НЭПа (1923–1927 годы) дом вновь был взят в аренду представительницей семьи Терновских – возможно, дочерью Марии Васильевны, Н.К. Терновской. Она проживала в квартире № 6 по крайней мере до начала 1930-х годов.

В начале XX столетия слева от усадьбы Терновских находилась усадьба дьякона соседней церкви во имя Афанасия и Кирилла. По храму назван Большой Афанасьевский переулок, расположенный рядом с Сивцевым Вражком и Филипповским переулком – заповедными уголками старого Арбата.

Жильцы квартиры № 4 в 1920–1950-х годах

Сосед **Анатолий Михайлович Палладин** – врач (акушер-гинеколог), почти всю свою профессиональную жизнь проработал в родильном доме имени профессора Сеченова (роддом в 1920–1940-х годах размещался на углу Калошина переулка, дом 33/12). Отец Палладина был дьяконом в Зачатьевском монастыре, и до 1917 года Палладины (в том числе Анатолий Михайлович)

жили в собственном доме близ Пречистенки по адресу: 1-й Ушаков переулок. Достоверно известно, что в квартире по Большому Афанасьевскому переулку А.М. Палладин жил в интервале 1923–1948 годов (возможно хронологическое расширение в обе стороны).

Сосед **Яков Израилевич Стерин** поселился в квартире № 4 в 1924 или в 1925 году. Род его занятий выяснить не удалось. Предположительно – советский административный работник.

После нескольких трудных лет вдовства Бетти Борисовна вышла замуж за инженера Р.И. Цветова (во время войны он был офицером, закончил службу капитаном, демобилизовавшись, работал лектором в московском планетарии). Вскоре родила второго сына – Евгения. После возвращения из эвакуации из Кизила в 1943 году семья вновь вернулась в квартиру в Большом Афанасьевском. Во время войны дом пострадал – крыша была наполовину разбита осколком немецкой бомбы. Печку-голландку топили дровами, которые получали по талонам, и потому экономно расходовали в холодный зимний период.

Послевоенное десятилетие было тяжелым. Вновь наступил жилищный и продовольственный кризис (введены карточки на питание, отмененные только в 1947 году), усилился уличный бандитизм.

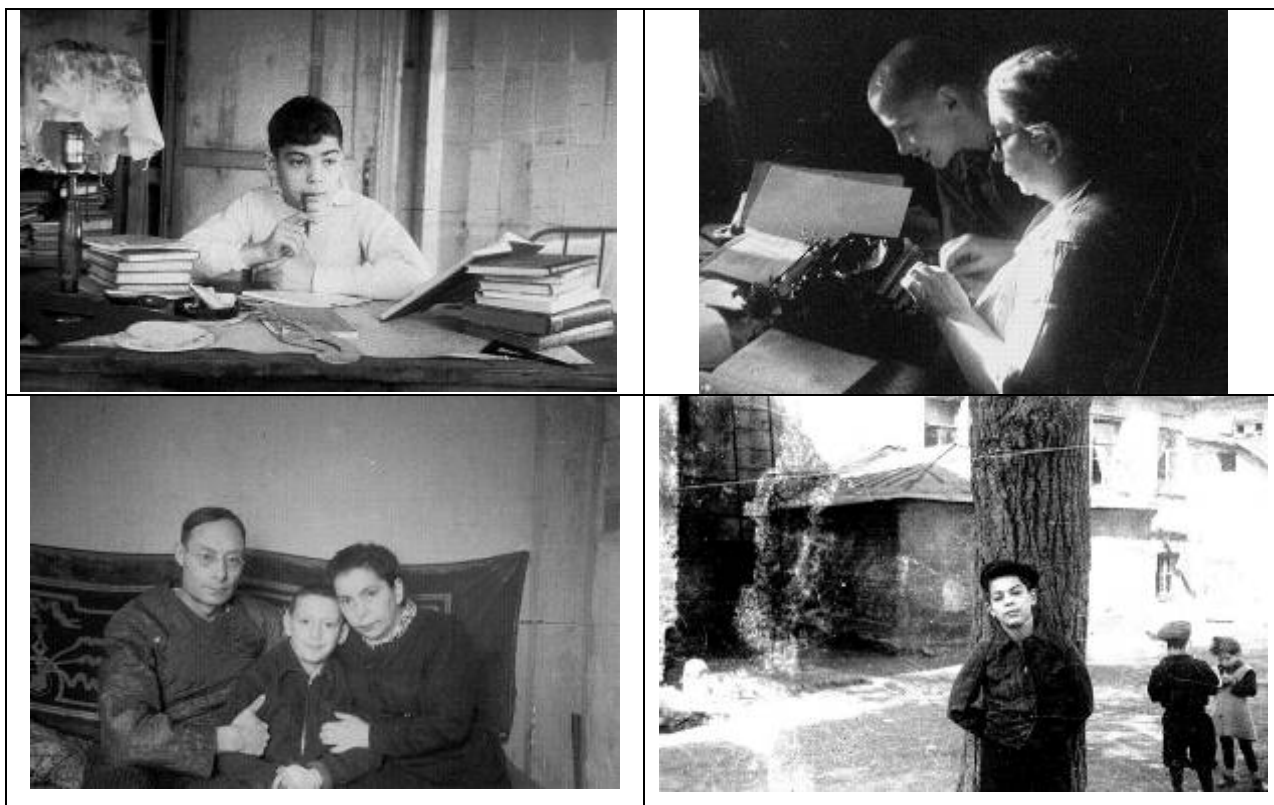
Летом 1945 года няня Мотя решила поехать с Димой из голодной Москвы к себе на родину, в Орловскую область, чтобы подкормиться. Ехали в битком набитом поезде до Ефремова, там пошли на базар. На базаре Матрёна высмотрела односельчанина и договорилась, что он довезет до села Благодать. Весь следующий день пришлось ехать на медленно бредущих волах (в 1997 году этот путь на машине занял всего полтора часа).

Дима Зимин с няней Мотей в арбатской квартире. 1946 год

Сохранившиеся фотографии из семейного архива показывают, насколько аскетичным был быт москвичей в эти годы. Но люди старались не унывать – поддерживали друг друга, ценили тепло семейных связей.

Эпоха была страшной, поскольку закручивались гайки в политике. Инспирируя идеологическую консолидацию населения, власти в 1948 году объявили кампанию борьбы с космополитизмом, направленную, прежде всего, против интеллигентов-евреев. В январе 1953 года было возбуждено так называемое «дело врачей», которым предъявили обвинение в убийстве видных советских бюрократов и военных по заданию западных спецслужб. Для разжигания ненависти к «врагам» режима на предприятиях прошли директивно организованные многолюдные митинги. Для семей, в которых были евреи, настали тревожные времена – можно было лишиться работы только из-за «пятого пункта» (в анкетах пятый пункт указывал национальность), и тогда семья просто могла погибнуть от голода, оставшись без средств к существованию. Только смерть Сталина в марте 1953 года прекратила такие формы «сплочения народа».

Жизнь семьи Зиминых в Большом Афанасьевском переулке в послевоенные годы. Верхний ряд: Дима Зимин за письменным столом; Бетти Борисовна за пишущей машинкой и ее младший сын Женя. Нижний ряд: отчим, Женя и мама (фото Д. Зимины); Дима Зимин во дворе дома. Фото из семейного архива.

В двух комнатах, принадлежавших Зиминым, кроме семьи Бетти (пять человек вместе с няней Мотей), жили сестра Бориса Николаевича Зимины – Лена (тетя Лена), а также сестра Бетти Ида с мужем и приемным сыном Юрой.

Елена Зимины в Арбатской квартире. 1946 год

Лена в годы войны ушла на фронт, с 1944 года руководила канцелярией в армейском штабе. Лена была красивой женщиной, но до сорока лет так и не вышла замуж. Скорее всего, смерть братьев сделала ее столь замкнутой. Удивительно, что будущего мужа она встретила в своей собственной арбатской квартире. Дело было так. У Иды с мужем не было детей, и они усыновили ребенка – привезенного из Минска мальчика-сироту Юру. Мать Юры погибла в минском гетто во время немецкой оккупации. Было известно, что отец Юры репрессирован в 1937 году и отбывает срок на Колыме. В сентябре 1945 года в арбатской квартире вдруг появился неожиданный гость – коренастый крепкий мужчина с живыми черными глазами. Он сказал, что его зовут Николай Яблин, он болгарин, вернувшийся из заключения, и что он ищет своего сына Юру, с которым расстался более семи лет назад.

Зимины приютили Николая у себя, пока мальчик привыкал к настоящему отцу, а Яблин собирал документы, чтобы уехать на родину, в Болгарию. Ида очень переживала, что теряет приемного сына, но в то же время понимала, какое счастье, что у ребенка отыскался родной отец.

Пришло время уезжать им в Болгарию, и тут оказалось, что Николай влюблен в Елену Зимины. Он предложил ей стать его женой. Она согласилась, и вскоре Николай, Елена и Юра уехали в Софию. Когда закончилась сталинская эпоха, и стали выходить наружу многие тайны, то оказалось, что Николай Яблин был в 1930-е годы одним из виртуознейших радистов и обучал радиоделу Макса Клаузена – радиста-подпольщика группы разведчика Рихарда Зорге. В 1960-х – начале 1970-х годов Николай Яблин занимал пост директора Софийского радио. В 1960-е годы Макс Клаузен спустя тридцать лет разыскал своего наставника и пригласил его приехать в гости в ГДР.

Николай Яблин и Макс Клаузен с женами – Еленой Зиминой-Яблиной и Анной Клаузен. Восточная Германия (ГДР), 1969 (?) год

Елена Николаевна Зиминая прожила 66 лет, скончалась в Софии в 1973 году. Николай Яблин пережил ее на несколько лет. Их сын Юрий Яблин – ныне пенсионер, живет в Софии.

Юрий Яблин у могилы Елены Николаевны Зиминой, заменившей ему погибшую мать. Болгария, София. Сентябрь 2009 года

Вернемся к истории дома № 25 по Большому Афанасьевскому переулку. Осенью 1968 года он был выселен и в 1969 году снесен в связи со строительством жилого дома для партийной номенклатуры.

Семья Зиминых, подобно другим семьям москвичей, переселилась в отдельную квартиру на северо-западной окраине Москвы – на улице Фестивальной.

¹ Здесь и далее история домовладения излагается по материалам архивных дел: ЦАНТД г. Москвы. Ф. 1. Оп. 9. Д. 630 – Пречистенская часть № 617н/488; ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 63. Д. 8998.

² Романюк С.К. Из истории московских переулков. М., 1988. С. 159; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 164.